

РЕГИОНАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА / REGIONAL IN RUSSIAN LANGUAGE HISTORY

Юго-западная лексика в русском языке XVIII века

Н. В. Патроева, А. А. Лебедев

South-Western vocabulary in the Russian language of the 18th century

N. V. Patroeva, A. A. Lebedev

Наталья Викторовна Патроева – доктор филологических наук, профессор; Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация

E-mail: nvpatr@list.ru

Александр Александрович Лебедев – кандидат филологических наук; Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация

E-mail: perevodchik88@yandex.ru

Статья поступила: 05.05.2024. Принята к печати: 20.06.2024.

В статье рассматривается проблема юго-западного влияния на становление русского языка эпохи Петра I, а также обратное воздействие русского языка на другие языки. С опорой на «Словарь русского языка XVIII века» и «Национальный корпус русского языка» были проанализированы украинизмы в текстах Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, Василия Тредиаковского, Антиоха Кантемира. В соответствии с полученными данными, в «Словаре русского языка XVIII века» помету «юго-западное» имеют порядка 50 лексем, большинство из которых – имена существительные. Отмечается, что юго-западная лексика содержится в сочинениях политиков и проповедников эпохи Петра I (в частности, у Стефана Яворского), в то время как Феофан Прокопович активно использовал в собственных трудах украинские слова, родные для него. Так как заимствования и «проста мова» были одним из инструментов снижения книжно-письменного регистра, а среди реформаторов Петровского времени было немало представителей Киево-Могилянской риторической традиции, западнорусизмы в первой половине XVIII столетия включались в различные литературные тексты и документы. При этом нормализаторские тенденции в сфере лексики привели к тому, что в XVIII столетии украинизмы и полонизмы, недавно вошедшие в русскую речь, уходят из употребления почти полностью (на что указывают в том числе и пометы «Словаря русского языка XVIII века», связанные с динамикой использования «юго-западных» лексем по происхождению). Многие западнорусизмы остались преимущественно в диалектной речи, а также в сфере просторечия.

Ключевые слова: русский литературный язык, проста мова, западнорусский язык, книжно-славянский язык, украинизм

УДК 811.161.1: 81'42(571.51)

Natalya V. Patroeva – Dr. Sci. in Philology, Professor; Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3836-6393

Aleksandr A. Lebedev – candidate of Philological Sciences; Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9939-9389

Received: 05/05/2024. Accepted for publication: 20/06/2024.

The article examines the problem of the south-western influence on the formation of the Russian language in the era of Peter I, as well as the reverse influence of the Russian language on other languages. Based on the Dictionary of the Russian Language of the 18th Century and the National Corpus of the Russian Language, Ukrainianisms in the texts of Feofan Prokopovich, Stefan Yavorsky, Gabriel Buzhinsky, Vasily Trediakovsky, Antioch Cantemir were analyzed. In accordance with the data obtained, in the Dictionary of the Russian Language of the 18th Century, there are about 50 lexemes noted “south-western”, most of which are nouns. It has been found that south-western vocabulary is contained in the writings of politicians and preachers of the era of Peter I (in particular, in Stefan Yavorsky's), while Feofan Prokopovich actively used Ukrainian words native to him in his own works. Since borrowings and simple speech were one of the tools for reducing formal book style, and among the reformers of Peter's time there were many representatives of the Kiev-Mohyla rhetorical tradition, Western russianisms in the first half of the 18th century were included in various literary texts and documents. At the same time, normalizing tendencies in the sphere of vocabulary led to the fact that in the 18th century, ukrainianisms and polonisms, which had recently entered Russian speech, went out of use almost completely (as indicated, among other things, by the notes in the Dictionary of the Russian Language of the 18th Century associated with the dynamics of the use of lexemes, south-western in origin). Many Western russianisms remained primarily in dialect speech, as well as in the sphere of vernacular speech.

Keywords: Russian literary language, проста мова, Western Russian language, book Slavic language, ukrainianism

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. Историками русского литературного языка неоднократно отмечалось, что во второй половине XVII в., после воссоединения Украины с Россией в 1654 г., культурные контакты с Юго-Западной Русью, где уже существовало большое количество школ при церковных братствах, существенно расширились, что способствовало проникновению в русский язык в середине и второй половине XVII века значительного количества полонизмов, украинизмов, белорусизмов под воздействием риториков и писателей Киево-Могилянской школы на формирование российской науки и образовательной системы. Степень активности украинизмов и белорусизмов, их влияние на юго-западную «простую мову» и – через нее – на русский литературный язык Петровского времени, которое должно быть наиболее ярко выражено в источниках конца XVII – первой трети XVIII столетия, до сих пор специально не исследовались на материале исторических словарей и корпусных данных. Между тем изучение проблемы юго-западного влияния на становление языка и стилистической системы российской культуры Петровского периода и встречного (обратного) воздействия способствовало бы прояснению целого ряда таких важнейших и дискуссионных вопросов, как правомерность, суть и границы понятия «западнорусский язык» («проста мова», «рус(ь)ка мова», на которой создавались памятники конфессиональной и деловой письменности Великого княжества Литовского XVI-XVII в., Западной Руси, Молдавского княжества), единство и скорость расхождения восточнославянских языков, усвоение украинизмов и белорусизмов книжным языком, судьба региональной (юго-западной в данном случае) лексики в русском литературном языке, влияние народно-разговорной речи на письменную сферу и пр.

История вопроса. Многие реформаторы своим образованием и началом творческой и научно-преподавательской деятельности были обязаны Киево-Могилянской академии, организованной в 1631 г. как «коллегиум» Петром Могилой. Написанные представителями этой школы учебные курсы грамматики, поэтики и риторики, проповеди, «слова», драматургические и поэтические опыты распространяли свое влияние на российскую новую словесность, обучение в московской Славяно-греко-латинской академии, подрастающее поколение писателей и научную интеллигенцию («ученую дружину»). Тесные культурные связи с Юго-Западной Русью были установлены через игравших значительную роль в общероссийском литературном движении киевских литературных деятелей, некоторые из которых работали затем в Москве (например, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович). В Москве активно пользовались риторическими, художественными и научно-учебными трудами этих известных в славянском мире книжников и церковных деятелей – Мелетия Смотрицкого, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и др. Широкое хождение получили формировавшие лингвистические вкусы этого поколения «киево-могилян» более ранние источники грамматика и «Лексис» Лаврентия Зизания, «Лексикон» Памвы Беринды. Епифаний Славинецкий был одним из учителей школы,

организованной в 1648 г. при Андреевской церкви Москвы. Белорусу Симеону Полоцкому приписывается создание латинской школы при Спасском монастыре, а его ученик Сильвестр Медведев продолжил эту работу. Важную часть деятельности Сильвестра Медведева составляло осуществление языковых замен в издании произведений его учителя в направлении устранения полонизмов и украинизмов русскими словами и выражениями [Мещерский, 1981, с. 132-133]. Стефан Яворский состоял «блюстителем» [Булич, 2011, с. 187] Славяно-греко-латинской академии. Феофан Прокопович стал яростным защитником Петровских преобразований, контролировал создание важнейших документов, регламентировавших жизнь подданных Российского государства, процессы «справы» и перевода новой и старой учебной литературы, писал «слова», панегирики, оды, посвященные важнейшим историческим событиям и персонам. Лингвистическая правка Феофана имела «целью изменение характера языка: церковнославянский заменяется на “простой” русский язык» [Живов, 2017, с. 959].

В истории русской филологии встречается и такой взгляд, согласно которому при Патриархе Никоне была отвергнута прежняя московская (старорусская) редакция церковнославянского языка и заменена на киевскую (соответствующую нормам, отраженным в грамматике Мелетия Смотрицкого) в период начавшегося культурного перелома и европеизации русской жизни. Так, Н. С. Трубецкой высказывал мнение, что «на рубеже XVII и XVIII-го веков произошла *украинизация великорусской духовной культуры*. Различие между западно-русской и московской редакциями русской культуры было упразднено путем искоренения московской редакции, и русская культура стала *едина*» [Трубецкой, 1927]. Насколько правомерен этот взгляд, какова степень воздействия близкородственных языков (русского, (старо)украинского, (старо)белорусского) друг на друга, чем обязана российская словесность Петровского времени «простой мове», – на наш взгляд, ответ на эти актуальные и остающиеся спорными вопросы не может быть дан без специально предпринятого лингвистического анализа широкого круга художественных и публицистических произведений, грамматик, словарей, риторик, деловых и конфессиональных источников, эпистолярных и прочих памятников эпохи языковых и культурных реформ. Большим подспорьем для максимально полного охвата речевого материала исследователями в этом смысле оказываются исторические словари и «Национальный корпус русского языка».

Методология и методика исследования. Ведущими для авторов статьи в ходе проведения анализа являлись лексикографический, диахронический, интерпретационный, сравнительно-сопоставительный методы.

В качестве методологической основы исследования в работе используются труды, посвященные проблеме «западнорусского (письменного) языка» (такой термин представляется как исторически первичный в отечественных филологических исследованиях более предпочтительным, хотя и вызывает нарекания отдельных лингвистов ближнего и дальнего зарубежья - см. некоторые точки зрения на понятия «западнорусский язык» и «проста мова», например, в работах: [Карский, 1897], [Житецкий, 1889], [Мозер, 2002], [Moser, 2005], [Мойсиенко, 2007], [Смирнова, 2009])

и отдельных произведений, написанных на нем (например, [Владимиров, 1888, 248-249]).

Основным материалом для исследования служат 1-22 выпуски академического «Словаря русского языка XVIII века», в качестве сопоставительного фона – данные основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка».

Анализ материала. «Словарь русского языка XVIII века», подготовка которого началась под руководством Г. П. Блока и Ю. С. Сорокина в Словарном секторе Института русского языка Академии наук СССР (Ленинград) и ныне продолжается в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), отражает процессы постепенного складывания лексических и грамматических норм национального русского литературного языка между 1690-ми и 1810-ми годами. В реформировании нового гражданского (государственного) языка и разработке жанров светской словесности (ораторской прозы, драматургии, поэзии) и учебно-научной литературы в Петровскую эпоху и ранний послепетровский период принимают активное участие церковные и политические деятели, авторы риторических руководств, грамматики и словарей, писатели, чьи труды стали иллюстративной основой и базой картотеки словаря.

Период первой трети XVIII столетия отличается особым динамизмом и тесным взаимодействием, взаимовлиянием самых разных речевых стихий – церковнославянской, книжно-славянской, старорусской, разговорно-простонародной, диалектной, фольклорной, жаргонно-просторечной, официально-деловой, иноязычной и пр. В качестве одной из подгрупп, фиксируемых словарем, оказываются лексемы с пометой «Юго-зап.» (юго-западное), которая сопровождает «слова в источнике своем польские, украинские, белорусские, пришедшие через украинское и белорусское посредство и характерные для представителей юго-западной образованности в России первой трети XVIII в.» [Сорокин, 1984, с. 38].

Особое внимание в процессе проведенного в рамках подготовки данной статьи анализа было уделено зафиксированным словарем украинизмам в произведениях ведущих реформаторов российской словесности и образования – проповедников Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского, поэтов Антиоха Кантемира, Василия Тредиаковского, биография и творческая деятельность которых тесно связаны с Киево-Могилянским «коллегиумом», его риторической и поэтической традициями, поддержанными и развитыми в Славяно-греко-латинской академии Москвы.

Как показали проведенные подсчеты, в вышедших из печати 1-22 выпусках толково-исторического словаря русского языка XVIII века пометой «юго-западное» сопровождается около 50 лексем, большую часть среди которых составляют имена существительные: *байка* 'басня, сказка', *бута* 'бочка', *веска* 'деревня', *возвод* 'свод' (?), *гвалт* 'насилие, нападения' и 'шум, крик', *господарь* 'хозяин, владелец', *господа* 'дом, жилище', *грозба* 'угроза', *гута* 'стеклянный завод', *жарт(а)* 'шутка, насмешка' и однокоренное *жартовник* 'шутник', *запусты* 'Масленица', *згода* 'согласие', *здобычь* 'добыча', *крапля* 'капля', *мша* 'католическая обедня, месса', *мшевание* 'отправление католической обедни, мессы', *ранда* 'хутор', однокоренные *аренда/ор(ь)* или *рандарь*, *подпомога* 'помощь, поддержка' [Словарь, 2015, с. 28]. В этом списке встречаются

регионально релевантные понятия экономико-социальной сферы, наименования культурно-религиозных реалий, редко – абстрактные имена.

Значительны в количественном отношении среди слов с пометой «юго-зап.» имена прилагательные, почти все из которых являются качественными: *бажоный* 'дорогой, желанный', *вечистый* 'вечный', *гвалтовный* 'насильственный, незаконный', *гучный* 'шумный', *жартливый* (вариант *жартовный*) 'насмешливый, шуточный', *звычайный* 'обычный, обыкновенный', *згодный* 'подходящий, соответствующий', *знакомитый* 'знаменитый, хорошо известный', *латвий* 'легкий'; относительные адъективы заимствовались редко: *безгрунтовый* 'безземельный', *вакансовый* 'вакантный, отставной'.

Глаголы – полонизмы и украинизмы, зафиксированные словарем, можно разделить на две основные группы с точки зрения морфемного состава: 1) отличающиеся аффиксальной частью основы – *вдаритися* 'удариться', *готовати(ся)* 'готовить(ся)', *вничтожати* 'уничтожать', *звыкнути* 'привыкнуть', *возворковатися* 'разворчать'; 2) отличающиеся корневой морфемой от русских семантических аналогов: *венеровати* 'оказывать уважение, преподносить', *досвѣдчати* 'узнавать', *досочитися* 'дознаться, доискаться', *жартовати* 'шутить', *поковтунити* 'спутать в колтуну' [Словарь, 2015, с. 136], *помилитися* 'ошибиться' [Словарь, 2015, с. 230].

К группе «юго-западных» по ареалу исходного бытования относятся также наречия *жарлочно* 'прожорливо', *заровно* 'равно, одинаково', *истотно* 'истинно'.

В качестве аналога польского *albo* в [Словарь, 2015] выделен союз *альбо* 'или, либо', фиксируемый также в словарях украинского и белорусского языков как аналог польского коннектора *albo*.

Для ряда заимствованных слов юго-западным по происхождению является только значение: *аренда* 'откуп на вино, деготь, табак', *вертеп* 'переносной кукольный театр для представления сцен на библейские темы в период святок', *висеть* 'зависеть', *гребля* 'плотина, запруда', *жадный* 'никакой, ни один', *жалоба* 'траур'.

Для некоторых заимствованных из юго-западной русской речи вокабул указаны в [Словарь, 2015] точные даты фиксации в документах, например, 1709 г. для *досвѣдчати* и *латвий*, 1708 и 1740-е для *рандарь* или *арендар*, 1722 для *венеровати*, 1734 для *вакансовый*. Некоторые фиксируются в качестве единичных употреблений (в словаре помета «Един.»), например: *вдарити(ся)*, *вничтожати*, *возвод*, *возворковатися*. Вопрос о гапаксах, разумеется, требует специального изучения, но вряд ли стоит их считать в данном случае чем-либо иным, нежели окказиональными («на случай») заимствованиями.

Источники, которые послужили базой словаря в целом и свидетельством влияния юго-западнорусской «простой мовы» на «российский» язык первой трети XVIII века в частности, достаточно разнородны по жанрово-стилистическому составу: примеры из «простой мовы» встречаются в проповедях, газетных заметках, эпистолярных, мемуарах и путевых записках, переводной учебной и художественной литературе, законодательных актах, сочинениях на историко-культурные, политические и военные темы, а также в интерлюдиях и других драматургических произведениях. Например, западнорусизмы характеризуют дискурс сподвижников Петра Великого, состоявших в переписке с российским монархом: *Пушки, которые болшие, буде невозможно взять*

с собою, кинуть в воду **албо** разорвать; Приходили с полков и давали ему <Мазепе> за то, чтоб **аренды** не отдавал на перекуп; А шестаго числа мая ж в рандѣ Эглях рано посланные от меня казаки и калмыки в той **рандѣ** разбили их неприятельской караул; И сего ж 2-го дня из **вески** Даниловки пойду до Шамова и до Дрыбина; Вышеписанным чинам даются тѣ денги помѣсечно. А на тѣ денги ... и **господу** наймут; Уже и Филимошку поил, но не могу **досочитца**; Посланнику нашему о том временном союзѣ с послом их договор и постановление ... обще **заровно** так же как и с вашим цесарским величеством, чинить мы, великий государь .. повелѣли; Свѣтлейшей речи посполитой Венецыйской **звычайной** при дворѣ цесарском посол; Послал до вашей милости трактат, как в Варшавѣ у Поляков здѣлалось о **згодѣ** с Шведом; и др. из иллюстраций, почерпнутых создателями «Словаря русского языка XVIII века» в собрании «Письма и бумаги имп. Петра Великого. [1688—1712]. СПб.— М.; Л.—М., 1887—1964, 1975—1977, т. 1—12.» [Сорокин, 1984, с. 102]. В комментарии к вокабуле АРЕНДА уточняется: «С приобщением Шведских областей к России вошедшее слово, в коих токмо оно и употребительно, означающее тот откуп или платеж с земли или деревни, которой получает помещик от нанявшего у него ту землю или деревню на урочные годы или на некоторых условиях» [Словарь Академии Российской, 1780, стлб. 44].

Интересным представляется выяснение роли регионализмов, характеризующих ту или иную известную языковую личность, в формировании индивидуального слога. Так, юго-западная по происхождению славянская лексическая составляющая содержится в сочинениях великих проповедников и политиков Петровской эпохи. Например, у Стефана Яворского, выпускника Киево-Могилянской коллегии, слушателя курсов богословия в учебных заведениях Львова, Вильны и Познани, в «словах» – образцах духовного красноречия, встречается слово **знакомитый**: *Всяких добрых и **знакомитых** вещей первые начальницы ... славни во всем мирѣ.*

В отличие от Стефана Яворского яростно поддерживавший Петровские реформы богослов, философ, политик, писатель, переводчик Феофан Прокопович, гораздо более активно использовал в своих трудах родные для него украинские слова в торжественных «словах» (два глагола и наречие, отличающиеся от русских аналогов только морфемным составом и ударением) и письмах (наименования бытовых реалий): *Всѣх собственная благая на общем добрѣ отечества **висят**; Еще Кароль единонадесятый... **готѣвал** войну на Российское Гѣдрство; Благодарителя великаго .. могу нареци родителем моим, хотя родитель **истотно** тот только есть, который съменем своим родил челоуѣка; Новая да знатная корысть была устроена из вина волоскаго так, что одна **бута** даровая приходила; Из **гуты** ... стало приходить по сту рублей в год, кромѣ стекла и на домовыя потребности и на подарки довольнаго.* Использование элементов «простой мовы» вполне соответствует установкам Феофана в петербургский период его деятельности, в том числе в области «справы» старых и переводных печатных слов и выражений.

Ревностный сторонник петровских преобразований, церковный деятель и переводчик епископ Гавриил Бужинский, родившийся на Слободской Украине, учившийся в Киево-Братской коллегии и переведенный Петром I в Александро-Невскую лавру, был назначении префектом Славяно-греко-латинской академии, протектором школ и типографий. «Словарь языка XVIII века» указывает, по крайней мере, три

украинизма в проповедях и других святоотеческих трудах Гавриила Бужинского: *Члѣвъкъ раждається несмыслен и без мовы; Исполнение закона любви есть, ею же любим Бѣа и ближняго ради Бѣа. в сей весь закон и Пророцы вѣсят; Кое толь тяжкое преступление; всего закона исполнение **вничтожающее**; Простак и невѣжа... возложит на ся власяницу острую, **поковтунит** власи и браду свою.*

Антиох Кантемир – выходец из семьи молдавских «господарей», сын сподвижника Петра Дмитрия Кантемира, член «ученой дружины» Феофана, поддержавшего его первые опыты в жанре сатиры. Как отмечает П. Шорников, «славянский язык был в Молдавии языком образования. С XV ст. сыновья знатных молдаван обучались в «братских» школах Галицкой Руси. <...> И все же можно предположить, что как язык устного общения молдаванами использовался не книжный славянский, а известный им разговорный язык русинов Молдавии. Только повседневной языковой практикой можно объяснить то обстоятельство, что круг молдаван, владевших русским языком, не ограничивался учеными монахами и писцами господарской канцелярии. Русской речью владела молдавская знать» [Шорников, 2010, с. 68-69]. Эти обстоятельства помогают объяснить присутствие в сатирах Антиоха Кантемира юго-западного лексического пласта, например: *Глупо из младенчества **звыкли** мы бояться Нищеты, презрѣния.* Отец поэта, сподвижник Петра Великого Дмитрий Кантемир также употреблял западнорусизмы в своих сочинениях, например, в «Книге Систима...»: ... *дондеже я **досвѣдчение** учиню, и искушу, диавол ли есть, или ангел, иже явится тебѣ* [Кантемир, 1722, с. 6]; *Да не явимся паче мѣры таковыя бредни, не **жартовным** описывати пером* [Кантемир, 1722, с. 313].

Василий Тредиаковский, выпускник Славяно-греко-латинской академии, также тесно связанный с Феофаном Прокоповичем и с Антиохом Кантемиром своими ранними научными устремлениями и литературными вкусами, предстает как гораздо больший пурист в своем позднем творчестве, но в «Тилемахиде», например, использует полонизм, подтверждая экспериментаторский характер своей переводческой манеры: *Любим-мы паче всего в нас Здравие, **Благоощадность**, Крѣпость как тѣлесную, так и душевную Силу.*

Западнорусские элементы проявляются и на синтаксическом уровне текста – прежде всего, в области падежного управления. Таково использование предлога *до* вместо *к* или на месте книжной беспредложной конструкции в сочинениях Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, Василия Тредиаковского и Михаила Ломоносова: *Предисловие **до** Его Царского Величества* (Феофан Прокопович); *Страхом одержими, трепещуще кинутся <воины> **до** оружия* (Стефан Яворский); *К учреждению опытов **до** свѣта надлежащих* (М. В. Ломоносов); ***До** услуг приставил целый к ней рабов он лик!* (В. К. Тредиаковский); *Хоть сколько он <кот> ни скор Заранѣй убѣжать возможно им <мышам> **до** нор* (В. К. Тредиаковский); *Нет чем жену потешить, как придет **до** дому* (А. Д. Кантемир).

Результаты исследования. Наблюдения над составом лексем с пометой «юго-западное» в «Словаре русского языка XVIII века» показывают, что в узус Петровской эпохи и – позднее – 1720-40-х годов входили около 50 украинизмов, белорусизмов и полонизмов, зафиксированных в разножанровых источниках. Поскольку «проста мова» и заимствования служили одним из ресурсов снижения книжно-письменного регистра

и создания нового гражданского языка, а среди сподвижников преобразований, реформаторов Петровского и раннего послепетровского периодов были представители Киево-Могилянской риторической традиции, передававшие ее новому поколению «ученой дружины», обучавшейся в Славяно-греко-латинской московской академии и Петербургском академическом университете, западнорусизмы на протяжении первой половины XVIII столетия включались в документы законодательного и дипломатического характера, учебную и научную литературу, в том числе переводную, мемуары и эпистолярные, реже – проповеди, торжественные «слова», стихотворные и драматургические опыты.

Культурно-языковая политика Петра Великого привела к радикальным трансформациям в сфере российской словесности. Как отмечал В. М. Живов, «новый литературный язык», создававшийся в соответствии с петровской культурной политикой, должен был противостоять традиционному как понятный непонятому; в то же он выступал как “гражданское наречие”, т.е. как язык секулярной культуры, превращая тем самым традиционный книжный язык в средство выражения культуры клерикальной. <...> Данная семиотическая функция нового литературного языка могла вступать в противоречие с тем требованием понятности и доступности, которое выдвигалось в качестве основной причины его создания. Это противоречие с особой выразительностью проявилось в широком употреблении неосвоенных или малоосвоенных заимствований в текстах петровского времени...» [Живов, 2017, с. 984]. В этом смысле заимствованные украинизмы и белорусизмы, в большинстве своем отличаясь от собственно русских аналогов лишь аффиксальным составом и оттенками значения, были вполне понятны и доступны для понимания и не знающим близкородственных языков адресатам гражданского, политического, церковного дискурса.

После Петра I влияние таких генераторов нового узуса, как Печатный двор, Посольский приказ, когорты переводчиков и «справщиков», работавших по императорскому поручению, ослабляется, вскоре начинаются времена опалы для Феофана Прокоповича и Гавриила Бужинского, многих других сторонников преобразований. На смену первому поколению реформаторов приходит открывшаяся в 1725 г. Академия наук. На рубеже 1720-х и 1730-х годов появляются грамматические сочинения И.-В. Пауса, М. Шванвица и В. Е. Адодурова, направленные на нормализацию языкового «хаоса», «пула» и демонстрирующие пуристические тенденции постепенно сменявшей барокко классицистической эпохи. Питомцы Славяно-греко-латинской академии В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов активно включаются в языковые споры эпохи, заботясь о «чистоте штиля».

Показательно отношение выросшего уже в новые (поздне- и послепетровские) времена поколения ученых и писателей-реформаторов языка к сочинениям и слогу Феофана Прокоповича. Так, получил известность факт исключения М. В. Ломоносовым из рукописи «Краткого руководства к красноречию» (1747 г.) единственного из дошедших до нас отзывов грамматиста и поэта об ораторском даровании Феофана – пассажа, посвященного жанру надгробных речей: «Но лучшие сего примеры читать можно в словах надгробных покойного Феофана Прокоповича, архиепископа новгородского» [Ломоносов, 1959, с. 174]. Кроме того, по настоянию Ломоносова

А. П. Сумароков исключил из своей «Эпистолы о стихотворстве» (1748 г.) стихи, содержащие, с одной стороны, похвалу, с другой – упрек в несоблюдении «чистоты» языка и слога: ... *Феофан, Последователь сей пресладка Цицерона И красноречия российского корона, Хоть в чистом слоге он и часто погрешал, Но красноречия премного показал. Он ритор из числа по всей Европе главных... Разумный Феофан, которого природа Произвела красой славенского народа, Что в красноречии касалось до него...* [Ломоносов, 1959, с. 821]. В чем состояли эти погрешности, А. П. Сумароков объяснил позднее: «... малороссийския речения, и требуемая, не ведаю ради чего чужестранные слова, сочинения его несколько безобразят; но они довольно заплачены другою чистотою» [Сумароков, 1787, с. 280].

Выводы. До создания общенационального русского языка было еще далеко, но стремление осуществить кодификацию правил уже явно обозначилось в академической среде (первой удачной попыткой станет, разумеется «Российская грамматика» М. В. Ломоносова 1755 г.). Эти пуристические и нормализаторские тенденции касались не только морфологии, но и лексики. Не случайно и закономерно поэтому недавно вошедшие в русскую речь полонизмы, украинизмы (западнорусизмы) почти полностью уходят из употребления (соответствующие пометы в «Словаре русского языка XVIII века», касающиеся динамики использования «юго-западных» по происхождению лексем, свидетельствуют о том же). Редкое исключение составляют закрепившиеся в общем или специальном литературном использовании *байка, гвалт, аренда* как 'откуп на вино, деготь, табак', *вертеп* в значении 'переносной кукольный театр для представления сцен на библейские темы в период святок'. Остальные западнорусизмы остались в сфере просторечия и диалектной речи. Новый всплеск интереса к украинизмам и южнорусской диалектной «мове» демонстрирует уже романтическая эпоха и «натуральная» школа Н. В. Гоголя, и тогда перед русской словесностью вновь с особой остротой встанет «проблема отношения литературного языка к «простонародному» ... и его областным вариациям» [Виноградов, 1990, с. 271]. Л. А. Булаховский отмечает, что на используемую в художественной прозе первой половины – середины XIX в. украинскую лексику «обыкновенно смотрели как на диалектную “русскую”», и приводит примеры из повестей и романов В. Т. Нарезного, Н. В. Гоголя, Г. Ф. Квитки, А. А. Перовского – Погорельского, О. Сомова, В. И. Даля, Е. Гребенки, Н. Кукольника и др. [Булаховский, 1941, с. 249].

Юго-западное влияние на «славенороссийский» конгломерат Петровской эпохи и литературный язык национального периода, несомненно, может стать темой дальнейших размышлений о процессах постепенной демократизации русской книжно-письменной речи.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>

Литература

Булаховский, Л. А. (1941). *Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге: Т. 1*: допущено НКП УССР в качестве пособия для филологических факультетов университетов и факультетов языка и литературы педагогических и учительских институтов. Киев: Радянська школа.

Булич, С. К. (2011). *Очерк истории языкознания в России, XIII-XIX вв. 2-е изд., [репр.]: Лингвистическое наследие XIX века*. Москва: URSS: Либроком.

Виноградов, В. В. (1990). *Язык Гоголя // Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя: избранные труды*. Москва: Наука. 271–330.

Живов, В. М. (2017). *История языка русской письменности: в 2 т. Т. 2*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке.

Житецкий, П. И. (1889). *Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв.: сочинения*. Ч. 1. Киев: изд. «Киев. Старины».

Кантемир, Д. (1722). *Книга систима или Состояние мухаммеданския религии*. Санктпетербург: В типографии царствующаго Санктпитебурха.

Карский, Е. Ф. (1897). Что такое древнее западнорусское наречие?: *Труды Девятого археологического съезда в Вильне*. Под редакцией. Москва. 62–70.

Ломоносов, М. В. (1959). *Полное собрание сочинений: в 11 т.* Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. 7 1739–1758.

Мещерский, Н. А. (1981). *История русского литературного языка*. Ленинград: ЛГУ.

Мозер, М. (2002). Что такое «простая мова»? *Studia Slavica / Студия Славица*, 47(3-4), 221–260. DOI: 10.1556/ССлав.47.2002.3-4.1

Мойсиенко, В. М. (2007). Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. *Славяноведение*, 5, 45–64.

Смирнова, Е. А. (2009). «Проста мова». *Русская речь*, 3, 75–79.

Сумароков, А. П. (1787) *Полное собрание всех сочинений: в стихах и прозе*. 2-е изд. Москва: Унив. тип., у Н. Новикова. Ч. VI:

Трубецкой, Н. С. (1927). К украинской проблеме. *Евразийский временник. Париж*, 5, 165–184. URL: <https://web.archive.org/web/20150709052256/http://www.w.angelfire.com/nt/oboguev/images/nstukr.htm>

Шорников, П. (2010). Языковой дуализм в Молдавском княжестве. XIV-XVII вв. *Русин*, 2(20), 64–74.

Moser, M. (2005) Mittelruthenisch (Mittelweißrussisch und Mittelukrainisch): Ein Überblick. *Studia Slavica*. Vol. 50. N 1–2. P. 125–14. DOI: 10.1556/SSlav.50.2005.1-2.11

References

Bulakhovsky, L. A. (1941). *Russian literary language of the first half of the 19th century. Vol. 1. Vocabulary and general notes about the syllable*. Kiev: Radians'ka shkola Publ. (In Russian).

Bulich, S. K. (2011). *Essay on the history of linguistics in Russia: XIII–XIX centuries. 2nd ed.* Moscow: Knizhnyi dom LIBROKOM Publ. (In Russian).

Kantemir, D. (1722). *The book of Sistima or the state of the Mohammedan religion*. St. Petersburg. (In Russian).

Karsky, E. F. (1897). What is the ancient Western Russian dialect? *Proceedings of the Ninth Archaeological Congress in Vilna, 1893. Vol. II*. Moscow. (In Russian).

Lomonosov, M. V. (1959). *Complete works: in 11 volumes. V. 7*. Moscow; Leningrad: Acad. Sciences of the USSR Publ. (In Russian).

Meshchersky, N. A. (1981). *History of the Russian literary language*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russian).

Moser, M. (2002). What is *prostaya mova*? *Studia Slavica Hung*. 2002. No. 47/3-4. 221–260. (In Russian).

Moisienko, V. M. (2007). Ethnolinguistic affiliation of the Russian language during the time of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Slavic studies*. 5, 45–64. (In Russian).

Moser, M. (2005) Mittelruthenisch (Mittelweißrussisch und Mittelukrainisch): Ein Überblick. *Studia Slavica Hung*. 50/1–2, 125–14. DOI: 10.1556/SSlav.50.2005.1-2.11.

Shornikov, P. (2010). Linguistic dualism in the Principality of Moldova in XIV-XVII centuries. *Rusin*. 2 (20), 64–74. (In Russian).

Smirnova, E. A. (2009). Prosta mova. *Russian Speech*. 3, 75–79. (In Russian).

Sumarokov, A. P. (1787) *Complete collection of all works. Collected and published by... N. Novikov. Part VI*. Moscow: Universitetskaia tipografiia u N. Novikova Publ., 1787. (In Russian).

Trubetskoy, N. S. (1927). On the Ukrainian problem. *Eurasian temporary*. Paris, 1927. 5, 165–184. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20150709052256/http://www.angelfire.com/nt/oboguev/images/nstukr.htm>. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1990). Gogol's language. *Selected works: Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol*. Moscow: Nauka Publ. 271–330. (In Russian).

Zhitetsky, P. I. (1889). *Essay on the literary history of the Little Russian dialect in the 17th and 18th centuries. Part 1*. Kiev: Kiyev. Stariny Publ. (In Russian).

Zhivov, V. M. (2017). *History of the Russian written language: in 2 volumes. V. 2*. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke Publ. (In Russian).

Источники

Владимиров, П. В. (1888). Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. *Internet Archive*: официальный сайт. URL: <https://archive.org/details/vladymyrov1888/page/n3/mode/2up>

Словарь Академии Российской: в 6 ч. (1789). Ч. 1: От А до Г. В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук.

Словарь русского языка XVIII века (2015). Санкт-Петербург: Наука. Вып. 21: Подоба – Помощный.

Сорокин, Ю. С. (редактор) (1984). *Словарь русского языка XVIII века: правила пользования словарем: указатель источников*. Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние.

Sources

Dictionary of the Russian Academy: in 6 vol. (1789). St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk Publ. Vol. 1. (In Russian).

Dictionary of the Russian language of the 18th century. Edition 21. (2015). St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Sorokin, Yu. S. (ed.) (1984). *Dictionary of the Russian language of the 18th century: Rules for using the dictionary. Index of sources.* \ Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Vladimirov, P. V. (1888). *Dr. Francis Skaryna. Its translations, printed editions and language*. Retrieved from <https://archive.org/details/vladymyrov1888/page/n3/mode/2up> (In Russian).

Для цитирования статьи:

Патроева, Н. В., Лебедев, А. А. (2024). Юго-западная лексика в русском языке XVIII века. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(12), 8–18. DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-8-18

For citation:

Patroeva, N. V., Lebedev, A. A. (2024). South-Western vocabulary in the Russian language of the 18th century. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(12), 8–18. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2024-2(12)-8-18